

Екатерина ГОЛОВАНОВА

МЕСТЬ

Р а с с к а з

1.

История эта случилась в далеком 1985 году. Я тогда окончила девятый класс и проводила летние каникулы у бабушки в селе под Киевом. Мама с папой отправляли меня туда каждое лето: они отдыхали от меня, я — от них, и все были счастливы! В лагерь ездить я категорически отказывалась. Родители, правда, пытались приобщить меня к такому виду отдыха, потому что бесплатные путевки на папином заводе предлагали постоянно. Но пребывание в лагере не вызывало у меня восторга, хотя там было весело и интересно. Каникулы у любимой бабушки, которая балует тебя вкуснейшей выпечкой, — разве что-то может заменить это?

Но в то памятное лето я все же согласилась поехать в лагерь, и не простой, а комсомольского актива. Во-первых, было неудобно отказываться от путевки, которой меня поощрила школа за активную общественную работу; а во-вторых, моя одноклассница Инна Новикова, тоже награжденная путевкой, уже побывала там и отзывалась об ЛКА восторженно. В общем, она меня заинтриговала. И хотя мои украинские каникулы становились от этого значительно короче, я согласилась.

Месяц в селе пролетел незаметно, уезжать отчаянно не хотелось. Я звонила домой, уговаривала маму сходить в райком комсомола и, придумав какую-нибудь уважительную причину вроде сломанной ноги или воспаления легких, отказаться от путевки. Но мама была непреклонна: мол, село никуда не денется, а вот путевку такую больше уже не дадут. Грустная и слегка раздраженная, я прилетела в Горький, чтобы уже через день отправиться в лагерь.

Сбор делегатов происходил в семь часов утра около здания райкома комсомола. Папа дотащил мой тяжеленный чемодан до места, попытался поцеловать меня на прощанье, но мне было уже пятнадцать лет, и я не любила эти телячьи нежности. Похлопав меня по плечу, он поехал на работу. Как только он отошел, ко мне подлетела Инна и, схватив за руку, потащила в райком, скороговоркой объясняя на бегу:

— Где ты пропадаешь? Тебя нет в списках, только что была пере-
кличка! Я подумала, что по ошибке тебя записали в другой отряд,
но тебя нет вообще нигде! Отъезд через десять минут, надо выяснить,
в чем дело!

Я еле успевала за ней, лавируя между людьми и пытаюсь не спот-
кнуться о чемоданы и рюкзаки, и смысл ее слов почти не доходил до меня.
Наконец мы вбежали в здание и в холле почти столкнулись с Сергеем
Воронковым — первым секретарем райкома комсомола. Инка тут же
вцепилась в него и затараторила:

— Сергей, послушайте, тут какая-то ошибка. Нас от школы деле-
гировали вдвоем. Я в списках есть, а Кати нет. Как так?

Воронков посмотрел в мою сторону, как мне показалось, очень
недружелюбно и сухо спросил:

— Как фамилия?

— Голованова, — выпалила за меня Инка. Она вообще была очень
бойкая и шустрая, не зря мы за глаза называли ее электровеником.

— Ну что ж, Голованова, пойдем потолкуем, — сказал Сергей,
и я почувствовала, что случилось что-то очень нехорошее.

Я молча шла за ним, пытаюсь понять, в чем провинилась, но ниче-
го, решительно ничего не приходило в голову. Инна шла рядом и тоже
молчала, видимо, в ее голове варилась та же каша.

Войдя в свой кабинет и закрыв за нами дверь, Воронков еще раз
бросил на меня оценивающий взгляд и сказал весьма сурово:

— Никакой ошибки нет. Просто твою кандидатуру отозвали.

Мы вытаращили на него глаза в полном недоумении. Инка первой
пришла в себя и спросила:

— Как отозвали? Кто? Да этого просто не может быть!

— Вот, читайте, — Сергей достал из ящика какую-то бумагу и про-
тянул нам.

Инна схватила листок и начала читать вслух:

«Считаю своим долгом довести до вашего сведения, что ученица
нашей школы Голованова Екатерина, проходя практику в ЛТО, про-
явила себя совсем не должным образом: отлынивала от работы в поле,
не занималась досуговыми мероприятиями и отличилась поведением,
порочащим звание комсомолки. Поэтому считаю, что награждать ее
путевкой было большой ошибкой с нашей стороны. Таким людям не ме-
сто в этом лагере. С уважением, В. И. Кулагина, завуч по внеклассной
работе».

Это все было настолько неожиданно, настолько подло, гадко и лживо,
что я, наконец, вышла из оцепенения и сказала каким-то чужим голосом:

— Что это за бред? Или это розыгрыш?

— Да нет, все очень серьезно.

— Но это неправда! — вступилась за меня Инка. — Это абсолют-
ная ложь! Вы спросите кого угодно, нашу классную руководительницу,
например. Она вам подтвердит. Мы с Катей вместе везли на себе всю
общественную работу, все мероприятия готовили практически вдвоем.
Всю смену! В отличие от Кулагиной, которая только и знала...

Тут Инка запнулась и посмотрела на меня, в глазах ее прыгали чертики.

— Я поняла! — радостно воскликнула она. — Это же месть, просто жалкая месть! Фу, какая низость!

И тут до меня дошло, как теперь говорят — пазл сложился. Кулагина действительно мне мстила. И как только я это поняла, гнев и ярость настолько стремительно заполнили меня всю целиком, что я не сказала, а просто выплюнула:

— Вот же дрянь!

Воронков повернулся ко мне и на этот раз без всякой враждебности сказал:

— Ты давай полегче. Выбирай выражения, она завуч как-никак.

В этот момент в кабинет заглянула какая-то девочка:

— Сергей, отправляемся!

— Иду-иду, — ответил он и повернулся к нам: — Инна, бегом в автобус, а ты сиди здесь, я сейчас вернусь, и все мне расскажешь.

Они вышли. С улицы донесся сигнал к построению. Я посмотрела в окно: все уже строились по отрядам, сейчас Сергей скажет напутственное слово, и они уедут. Они уедут, а я останусь. И тут я почувствовала, как у меня защипало в носу и на глаза навернулись слезы от обиды и бессилия.

Меня нередко обижали в жизни, обзывали очкариком. Так случилось и в новой школе, куда меня перевели в пятом классе. Я была некрасивой девочкой, но зато с кулаками, и могла постоять за себя — этому меня научил папа-боксер. И когда в новом классе меня стал обижать второгодник Ромка Мурашов, завязалась такая драка, что растащить нас смогли только учителя.

В шестом классе мы еще пару раз подрались с Ромкой, а в седьмом, ко всеобщему удивлению, стали друзьями. Надо сказать, к тому времени уже не было в классе человека, который мог бы не замечать меня или не считаться со мной. У меня уже были друзья и подруги, и авторитет мой постепенно возрастал. А когда отпала необходимость в очках и мама выстригла мне челку, выяснилось, что я не так уж некрасива. Да что уж тут скромничать — многие мальчики находили меня симпатичной! А к девятому классу я стала одним из лидеров. И если внутри меня еще частенько просыпался маленький очкарик и я теряла уверенность в себе, то снаружи этого не было заметно.

Никто и никогда не видел моих слез. Плакать можно было только дома, закрывшись в своей комнате. И неважно, от чего я плакала: от несправедливого, на мой взгляд, наказания со стороны мамы; от неразделенной детской любви (а была я чрезвычайно влюбчивой) или от прочитанной книги, я не хотела показывать своих слез даже родителям. И уж тем более я не могла их показать Сергею Воронкову. И когда он вернулся, выражение моего лица было скорее злым, чем расстроенным.

— Ну, выкладывай, что вы там не поделили с Валентиной Ивановной, — сказал он, ставя у стены мой чемодан, про который я напрочь забыла.

Он пододвинул мне стул, я села и задумалась. Чтобы все было понятно, надо было очень многое рассказать.

Видя мое замешательство, Сергей сказал:

— Умные люди говорят: «Если не знаешь, с чего начать, начинай с самого начала».

— Это будет долго.

— Я никуда не опаздываю, ты теперь уже тоже.

И я начала с того самого момента, как мы в начале июня приехали на летнюю практику в лагерь труда и отдыха. Там было шесть отрядов, все из нашей школы. С каждым отрядом — свой классный руководитель, а начальником лагеря была та самая Валентина Ивановна Кулагина.

2.

В первый день стояла страшная суета, все обустроивались на новом месте. Наша компания заняла комнату на втором этаже по соседству с мальчишками из 10 «Б».

Самым интересным местом на территории лагеря была спортивная площадка, где, кроме всего прочего, стоял теннисный стол. После ужина здесь стал собираться народ: парни выпендривались на турниках, кто-то играл в теннис, кто-то просто пришел пообщаться. Ребята предложили научить меня играть в теннис, я с удовольствием согласилась, так как вообще была человеком спортивным.

Овладев азами игры, я поддалась азарту и не хотела уступать свое место у теннисного стола никому. Не сразу заметила, что среди мальчишек появились новые, совершенно незнакомые люди. Оказалось, это местные ребята пришли, так сказать, наладить контакты. Среди них выделялся высокий красивый парень, который казался старше остальных, на вид ему было лет девятнадцать. Он явно привык быть в центре внимания и поглядывал на всех свысока. Пару раз я поймала на себе его заинтересованный взгляд, что-то было в этом взгляде такое, что заставило меня смутиться. Наши мальчишки никогда так на меня не смотрели. С этого момента игра у меня не задалась, я с улыбкой сказала, что выдохлась, и села на скамейку рядом с Ирой и Наташей.

Наглый незнакомец, как я его окрестила про себя, взял мою ракетку и стал играть, явно красуясь перед нами. А когда я направилась к себе в комнату, догнал меня и, бесцеремонно взяв за руку, спросил:

— Я могу проводить?

Я выдернула руку и холодно ответила:

— Проводить можешь, но на большее не рассчитывай!

Он молча дошел со мной до корпуса, пристально посмотрел мне в глаза, отчего мне опять стало не по себе, потом наклонился и сказал на ухо:

— Не ходи гулять одна — украду. — Рассмеялся и пошел по направлению к деревне.

Я стояла как вкопанная и смотрела ему вслед.

«Господи, какой же он красивый! И какой противный», — пронеслось в моей голове.

Подожли Ира, Оля и Наташа, и мы вместе поднялись в комнату, обсуждая произошедшее. Открыв дверь, мы увидели странную картину: Лена водружала на подоконник плафон, который мы планировали заменить, но совершенно забыли сказать об этом завхозу.

— Ты что творишь? — спросила Ирка.

— Готовлюсь дать отпор кое-чьим ухажерам, — ехидно ответила Лена, выразительно посмотрев в мою сторону.

Мы подошли ближе и увидели, что плафон наполнен почти до краев водой.

— Ты что, сдурела? — возмущенно спросила я.

— Знаю я, чем все эти гляделки заканчиваются, — с неприязнью ответила Ленка. — Будут тут деревенские по ночам под окнами шастать, вызнавать, где зазнобушка живет, и зазывать прогуляться под луной. А я высыпаться планирую, на работу вставать в семь утра, мне эти шуры-муры не нужны. Будут орать — будет им холодный душ.

Она подошла к своей кровати и стала демонстративно укладываться спать, потому что протрубили отбой. Меня эта выходка просто взбесила. Я не собиралась ни с кем гулять под луной, тем более с деревенскими парнями, но какого черта она тут раскомандовалась?

— Ты психопатка! Ты что тут из себя мамочку изображаешь? А может, тебе просто завидно? — С этими словами я схватила плафон, который оказался очень тяжелым, и понесла в туалет выливать воду.

Внутри было темно, я споткнулась о какой-то выступ и упала на колени, выронив плафон в раковину. На грохот и звон прибежали обитатели соседних комнат и включили свет. Я поднялась и увидела раковину, заваленную осколками плафона и испачканную кровью. Тут только посмотрела на свои руки: правая ладонь была вся в крови.

Прибежали мои девчонки и Галина Александровна, которая попыталась промыть мне руку перекисью. Но порезов было столько, что она повела меня в медпункт, обмотав мою ладонь полотенцем.

Когда врач промыла мне руку, выяснилось, что глубокими были только две раны.

— Ты уж, пожалуйста, будь осторожней, — сказала она, закончив бинтовать ладонь. И отпустила меня восвояси с предписанием приходить каждый день на перевязку, освободив от работы в поле на пять дней.

Придя в комнату, я не увидела там ни Ленки, ни ее вещей. Девочки сказали мне, что посоветовали ей переселиться в другую комнату, где никто не посмеет тревожить ее сон.

3.

На следующий день после завтрака, проводив всех на поле, я пошла к Кулагиной, чтобы обсудить с ней план мероприятий и решить, чем общественно полезным я могу заниматься в то время, как одноклассники пропалывают капусту. Распорядок дня в лагере был таким:

7:00 — подъем, зарядка, линейка, завтрак.

8:00—12:00 — работа в поле.

13:00 — обед.

13:30—15:00 — тихий час.

16:00 — полдник.

До 19:00 — свободное время.

19:00 — ужин.

20:00 — вечернее мероприятие.

22:00 — отбой.

За три недели смены комитету комсомола предстояло организовать и провести девять мероприятий. Вот о них-то я и хотела поговорить с Валентиной Ивановной, пользуясь избытком свободного времени. Но, к моему удивлению, не смогла обнаружить ее ни в штабе, ни в актовом зале, ни в ее комнате. На всякий случай решила заглянуть в столовую.

Кулагина была там, она попивала чаек и «баловалась плюшками». Мне показалось, что мое появление несколько смутило ее: она поспешно допила чай и, завернув в салфетку недоеденную плюшку, пошла навстречу. Выслушав меня и посмотрев на перебинтованную ладонь, Кулагина подозвала какую-то женщину в белом халате и сказала, что я поступаю в ее распоряжение в качестве помощницы по столовой, а мероприятия можно обсудить после тихого часа, когда будут и другие комитетчики.

Женщина, которую звали Лидой, проводила взглядом Валентину Ивановну до дверей столовой и весело сказала:

— Вообще-то инвалидам здесь не место, ну да ладно. Будешь присматривать за дежурными, чтобы столы хорошенько протирали. Ну, можешь еще салфетки в стаканчики вставлять. Больше дел для одоруких нет.

Конечно, я старалась делать гораздо больше, например, убирать со столов у меня получалось и одной рукой. Но это никак нельзя было сравнить с работой в поле. Мне было неловко за свое вынужденное ту-неядство, и я пыталась компенсировать его, принося девочкам из столовой плюшки, пончики или печенье, которыми столовские работники поощряли дежурных. Девочки не имели ко мне никаких претензий, только шутили, что, если мне продлят больничный, я стану такой же жирной, как Кулагина.

Действительно, та была очень толстой. И если раньше я думала, что причиной тому какая-то болезнь, то теперь, увидев, сколько времени она проводит в столовой, дегустируя то одно, то другое блюдо, решила, что болезнь тут ни при чем. Столовские посмеивались у нее за спиной и называли «большой начальник», вкладывая в эти слова двойной смысл. Но она отталкивала не столько комплекцией, сколько совершенно мужским лицом: у нее даже усики черные пробивались и несколько черных волосков торчало на подбородке. Почему она никак не боролась с этой растительностью, делавшей ее совершенно безобразной, остается загадкой.

А между тем жизнь в лагере шла своим чередом. После работы все с удовольствием отдыхали: ходили на речку купаться, в деревенский магазин за сладостями или просто гуляли, занимались спортом, читали,

кучковались (или, как сейчас говорят, тусовались) у кого-нибудь в комнате, брэнчали на гитарах и пели. Вот только участвовать в организации мероприятий никто не хотел. И мы с Инной Новиковой, которая тоже была в комитете комсомола, прикладывали кучу сил, чтобы заинтересовать, а иногда и просто заставить людей хоть что-то делать. Пару раз даже пришлось применить «тяжелую артиллерию», то есть пожаловаться Кулагиной.

Конечно, для всех, и для меня в том числе, гораздо интересней было неформальное общение. Иногда после отбоя, когда все в нашем корпусе засыпало, в том числе и классные руководители, к нам в гости приходили соседи — мальчишки из 10 «Б». Мы зажигали свечку, и начинались совершенно безобидные ночные посиделки, когда говорить можно только шепотом, а смеяться — только в подушку. Мы гоняли чай, трескали печенье, пряники, а иногда и консервы, которые по ночам казались особенно вкусными. Рассуждали и спорили обо всем на свете: о фильмах, книгах, нашем будущем... И хотя кое-кто из мальчишек нам нравился, эти посиделки носили всегда чисто дружеский характер.

На восьмой день мне наконец разрешили поехать на поле. Не могу сказать, что заниматься прополкой понравилось, зато совесть моя успокоилась. Но не успела я втянуться в работу, как дня через три или четыре снова получила травму: случайно разбила стакан и умудрилась при этом порезаться.

Когда Галина Александровна опять привела меня в медпункт, врачиха всплеснула руками и сказала:

— Держите все бьющиеся предметы подальше от этой девочки, я хочу спокойно уйти в отпуск, а не слезь с сердечным приступом!

И опять освободила меня от работы, но уже только на три дня: во-первых, рука была левая, во-вторых, раны были неглубокие.

Снова меня отправили в столовую, и Лида, увидев меня с перебинтованной рукой, со смехом воскликнула:

— Ох, не по душе тебе, видно, прополка, Катерина!

Надо заметить, что не шутил на эту тему только ленивый, но я не обижалась, я и сама прошла по этому поводу на нашем заключительном мероприятии.

Зато в столовой я наконец познакомилась с Сашей — мальчиком, который мне нравился. Он тогда был дежурным, и мы просто сказали друг другу «привет», как будто уже давно были знакомы. Саша оказался жизнерадостным и веселым парнем, он постоянно шутил и ничего не давал мне делать, а к концу дежурства просто ошеломил меня своим откровением.

Выяснилось, что он не раз пытался подойти ко мне в школе, но у меня всегда был ужасно неприступный, холодный и даже высокомерный вид. К тому же я была довольно известной личностью среди старшекласников, а он — самый обыкновенный парень, да еще и младше на год. В общем, он так и не решился.

Я была неприятно удивлена: неужели я действительно хожу по школе с таким видом? Этот вопрос я решила задать моим подругам.

Ольга Глушко тут же ответила:

— Ну, вообще — да! Человеческим твоё лицо становится только тогда, когда ты начинаешь с кем-то разговаривать.

— И ещё когда ты улыбаешься, — добавила Ира. — Тебе очень идет улыбка.

— А почему вы раньше мне никогда ничего подобного не говорили?

— Да как-то разговор не заходил. Ну и потом — с нами-то ты всегда нормальная.

— Странно, — задумчиво протянула я, — а мне казалось, что я почти всегда улыбаюсь.

— Ну, может, про себя ты и улыбаешься, но снаружи — кремень, сталь! — засмеялась Наташка.

Вот так впервые в жизни я обнаружила, что мое ощущение себя изнутри совсем не совпадает с моим образом, который видят окружающие. Это требовало серьезного осмысления, но тогда жизнь была слишком быстра, наполнена и интересна, и не хотелось тратить время на такого рода размышления.

А смена между тем подходила к концу. Я уже давно трудилась вместе со всеми на поле. Все основные мероприятия были проведены ценой наших с Инной невероятных усилий. Особенно удались «Вечер военной песни» и «Литературная гостиная». Впереди было последнее и самое интересное мероприятие — «Космический бал», который состоял из двух частей. В первой все участники превращались в инопланетян, прибывших с какой-то целью на Землю. Каждому отряду нужно было придумать название своей планеты, внешний вид, костюмы и рассказать о планете и экипаже. Полет фантазии ничем не ограничивался, главное — чтобы было весело и остроумно. Использовать можно было любые средства: плакаты, песни, частушки, танцы, миниатюры — все что угодно. Условие только одно: должна быть затронута тема лагеря. Во второй части, уже после ужина, подводились итоги, награждались победители, а заканчивалось все дискотекой.

На очередном штабном сборе Кулагина сообщила, что в этот день мы не работаем; организовывать и проводить мероприятие будет она сама вместе с учителями, а нам надо сосредоточиться на работе в своих отрядах.

— Ну наконец-то и Валентина Ивановна делом займется, не все же ей в столовой сидеть! — шепнула мне Инка.

Мы были рады такому повороту, потому что, зная пассивность наших ребят, прекрасно понимали, что все опять придется вывозить нам.

Несколько раз мы с Новиковой пытались собрать свой отряд, чтобы коллективно к чему-нибудь прийти: чем больше людей, тем больше идей. Но оказалось, что у основной массы наших людей не было никаких идей. В результате в последний день после завтрака я, Инна и еще несколько человек засели у нас в комнате и за два часа придумали сценарий выступления, переделали несколько песен и расписали роли. Ира с Наташей пытались соорудить из подручных средств (занавесок, простыней и полотенец) костюмы.

В этом выступлении моя героиня, кроме всего прочего, должна была петь частушки на злобу дня, о тех проблемах, которые есть у них на планете, а на самом деле в нашем лагере.

Частушки я придумала уже давно от избытка свободного времени. И первую сочинила про себя. Сейчас уже не помню ее точно, но смысл был такой: лучше буду без руки, чем выпальывать сорняки. Были частушки про тех, кто плохо полол, плохо дежурил; про завхоза, у которого никогда ничего не допросишься (новый плафон нам тогда, кстати, так и не выдали); про свиданки после отбоя и даже про ночные посиделки. Я не называла ничьих имен, а если без них не получалось, то использовала нейтральные: Дуня, Клава, Трифон и тому подобные, потому что среди нас носителей этих имен не было. Примерно так: «Наша Дуня и на поле носит зеркальце с собою...»

Уже в столовой, где проходил наш «Космический бал», увидев Кулагину с пончиком в руке, я сочинила еще одну частушку. Ее я помню до сих пор:

Сидит ворон на березе, громко песенки поет.
Наша Валя из столовой еле ноженьки несет.

Она имела оглушительный успех, потому что все, от столовских работников до самого последнего восьмиклашки, поняли, о какой Вале идет речь. И хотя Валентина Ивановна смеялась громче всех, простить мне эту дерзость, как выяснилось, не смогла.

Однако по ее дальнейшему поведению никто бы не смог заподозрить неладное. Она была весела, приветлива, много и по делу шутила. Справедливости ради скажу, что с чувством юмора у нее все было в порядке. Как председатель жюри, в которое входили заведующая столовой, физрук и библиотекарь, она поздравила наш отряд с первым местом, а меня, как показалось, вполне искренне — с призом зрительских симпатий.

На дискотеку пришли даже местные ребята. Вечер получился шикарным. Я была в центре внимания, и мне это очень льстило. Да еще и Саша пригласил меня на медленный танец! В общем, я тогда была самым счастливым человеком на земле.

В честь последнего вечера отбой перенесли на одиннадцать ночи. Но мы все были возбуждены, и ни о каком сне не могло быть и речи, тем более что мы заранее договорились с мальчишками из 10 «Б», что ночью устраиваем прощальные ночные посиделки. Илюха Шумаков специально для этого приберег баночку вареной сгущенки и печенье из родительской посылки, кто-то из его друзей еще в обед сходил в сельпо за лимонадом. Мы не хотели никакой королевской ночи, завершающей смену, нам это было неинтересно, мы просто хотели собраться вот так, восьмером, последний раз. Потому что действительно никогда и нигде такой компанией мы уже не соберемся, не будем сидеть при свечах и разговаривать шепотом, смеяться в подушку. Потому что именно здесь, в ЛТО, за эти три недели мы сдружились; столько всего с нами

произошло и смешного, и не очень, а завтра все уже закончится. От этой мысли становилось грустно.

И вот ровно в полночь открылась дверь, ребята на цыпочках прокрались в нашу комнату. Стараясь не производить лишнего шума, мы расселись за накрытым столом. Разговор, конечно же, пошел про «Космический бал» и про ту частушку. Кто-то считал, что Кулагина несколько не обиделась, а кто-то — что просто не подала виду. Но вдруг спор наш был прерван осторожным стуком в дверь. Все замолчали и даже перестали дышать — мы спим, идите по своим делам, кто бы там ни был.

Но стук возобновился, и мы услышали голос нашей классной:

— Девочки, откройте, пожалуйста, мне надо убедиться, что вы все на месте.

Мальчики, стараясь не шуметь, поползли под кровати, а Ира Власенко, специально громко шаркая шлёпками, пошла открывать, не включая при этом свет. Галина Александровна заглянула в комнату.

— Что-нибудь случилось? — спросила Ира.

— Нет, ничего, — ответила классная, посмотрела на наш стол со свечой, но промолчала по этому поводу и, пожелав спокойной ночи, ушла.

Ира заперла дверь, и, после того как стихли шаги, ребята вылезли из-под кроватей. Мы, давась от смеха, стали опять рассаживаться за столом. Но буквально минут через пять снова услышали стук. На этот раз стучали в соседнюю дверь, и зычный бас Льва Ароновича, классного руководителя 10 «Б», потребовал, чтобы ему открыли. Но мальчики не могли ему открыть, они сидели у нас. А Лев Аронович все стучал и стучал, пока до него не дошло, что там никого нет.

Мы пытались придумать какой-нибудь отвлекающий маневр, чтобы учитель отошел от двери, и пацаны быстренько перебежали в свою комнату. И придумали! И Наташа уже направилась к дверям, чтобы сыграть свою роль, но в это мгновение мы услышали приближающиеся шаги и голоса нашей классной и Кулагиной.

Вот принес же черт не вовремя! В нашу дверь опять постучали. Парни снова нырнули под кровати. Мы молчали, стук повторился, Галина Александровна почти шепотом сказала:

— Девочки, откройте, это я.

Ольга недовольно проворчала в ответ:

— Да мы легли уже, Галинсанна. Что вы все ходите и ходите?

— А вы не знаете, где ваши соседи? — спросил Лев Аронович.

— Так спят, наверно...

И тут вмешалась Кулагина:

— Так, хватит ломать комедию, я знаю, что они у вас. Открывайте дверь!

Делать было нечего, я потушила свечу, и Ирка открыла дверь. Валентина Ивановна ввалилась в комнату, буквально заполнив собой свободное пространство, включила свет и огляделась.

Все выглядело вполне прилично: Наташа и Оля уже лежали под одеялами, куда они нырнули, не раздеваясь, и даже выглядели заспанными,

я сидела по-турецки на своей кровати в халате и пыталась расчесывать волосы, из которых для выступления девочки соорудили нечто невероятное. Только стол немного не вписывался в картину сонного царства. Но, в конце концов, разве мы не заслужили сегодня немного сладостей? Галина Александровна, видимо, хотела побыстрее избавить нас от непрошенной гостьи и сказала:

— Я же говорю вам: здесь все в порядке.

— Голубушка, вы очень доверчивы, — язвительно ответила Кулагина, с поразительной легкостью наклонилась и, приподняв свисающее одеяло, заглянула под ближайшую кровать: — Вылезайте, товарищи инопланетяне! Вы ошиблись кораблем!

Мальчишки вылезли из-под кровати и, сопровождаемые нотациями Льва Ароновича, отправились к себе. А Валентина Ивановна, пожелав нам спокойной ночи, удалилась, весьма довольная собой.

На следующее утро была торжественная линейка, посвященная окончанию смены. И начала ее Кулагина весьма оригинально:

— Дорогие земляне! Вчера не все участники «Космического бала» смогли благополучно улететь после отбоя на свои планеты. Один инопланетный корабль потерпел крушение, но пришельцам из 10 «Б» повезло. Экипаж звездолета 10 «А» класса в составе Головановой, Власенко, Волгиной и Глушко позволил пришельцам разместиться в грузовом отсеке своего корабля, где их и обнаружило руководство космодрома. Давайте же поприветствуем наших героинь. Выходите, девочки, не стесняйтесь, вчера же вы не стеснялись!

— А мы и не стесняемся, — крикнула Наташка и вышла из строя.

Мы тут же к ней присоединились, а вслед за нами вышли из строя и парни, хотя их никто не просил.

Все захлопали и закричали, мы всем махали и посылали воздушные поцелуи. Я не знаю, на какую реакцию рассчитывала Кулагина, устраивая этот цирк. Вряд ли нашелся хоть один человек в лагере, который нас в тот момент осуждал. Мы не испытывали стыда и просто веселились. Но, прекратив потеху, Валентина Ивановна сказала уже серьезным голосом что-то насчет дисциплины, поведения и потом разрешила нам встать в строй.

— Видимо, все-таки обиделась, — шепнула мне Ира.

Но потом, на той же самой линейке, мне и Инне Новиковой объявили благодарность за активную общественную работу. И я решила, что инцидент исчерпан.

После обеда мы уехали в Горький, а уже через два дня я была на Украине у своей любимой бабушки и даже представить не могла, что эта история может иметь такое продолжение. Но Кулагина оказалась куда злопамятней, чем мы предполагали.

4.

Когда я закончила рассказ, благоразумно опустив подробности про Сашу, наглого незнакомца и те ночные посиделки, о которых Кулагина не знала, Воронков некоторое время сидел молча, о чем-то напряженно думая. Потом он встал, прошелся по кабинету и сказал с улыбкой:

— Да, интересная история. Не ожидал от Валентины Ивановны такого, вроде не первый год ее знаю. А ты смелая девочка. Давай мы вот как поступим... Я ведь решение по тебе принимал не единолично, письмо обсуждали на заседании комитета. Поэтому отменить постановление не могу без веской причины. Мне нужны доказательства твоей невиновности. Например, письменное заявление вашей классной руководительницы. Если ты успеешь с ней встретиться и вернуться сюда до трех часов дня, то поедешь в лагерь со мной на грузовике. А если нет, то вот тебе адрес...

Он написал на бумажке, где находится лагерь:

— До Княгинина доедешь на автобусе, а вот дальше придется попутку ловить, пешком далеко, километров пять.

Я взяла записку и спросила:

— А я могу взять письмо?

— Я дам тебе копию, — ответил Сергей и, порывшись в ящике, протянул мне листок.

Я поблагодарила его и собралась уходить.

— А чемодан? — остановил меня Воронков. — Если ты уверена, что успеешь до трех, то пусть стоит тут, но если нет...

Я не была уверена ни в чем, поэтому взяла чемодан, попрощалась и вышла.

5.

Чемодан безжалостно оттягивал мне руку. Я еле-еле влезла с ним в автобус и остановилась у двери — ехать было всего две остановки. Куда, вопрос не возникал. Домой нельзя — там мама, а мне даже представлять не хотелось, что начнется, если я сейчас появлюсь. Только к Ире Власенко!

Вот ведь странно как получается: еще вчера вечером я не хотела тащиться в этот чертов лагерь комсомольского актива. Да что там вечером — сегодня утром, еще каких-то два часа назад. А теперь, когда ехать туда уже не нужно, мне надо туда позарез! Ирония судьбы или мой упрямый характер? Нет, дело не в упрямстве. Меня незаслуженно оболгали и оскорбили, и я не собираюсь с этим мириться. Я поеду в этот лагерь назло Кулагиной и всем там расскажу, какая она дрянь!

С этой мыслью я вышла из автобуса и потащила к Ирке. В моей голове уже был план: сейчас мы позвоним нашей Галине Александровне, потом приедем к ней, все расскажем. Она, конечно же, напишет письмо или заявление Воронкову. Мы все успеем до трех, и уже вечером я буду в лагере! И моя мама даже ничего не узнает — это самое главное.

Уже в приподнятом настроении я нажимала на кнопку звонка.

Мне долго не открывали... Я уже испугалась — не уехала ли моя Власенко куда-нибудь. Но вот наконец я увидела заспанное и помятое Иркино лицо.

— Ты что здесь делаешь? — вылупилась на меня подруга, сразу проснувшись.

Я втащила чемодан и рассказала о случившемся.

— Ну и свинья же эта Кулагина! — воскликнула Ирка.

Она без лишних слов принесла записную книжку, отыскала номер классной руководительницы и пододвинула мне телефон. Я набрала шесть заветных цифр — и получила в ответ долгие гудки. Повторила попытку — тот же результат. К этому я не была готова, план мой явно рушился. Власенко предположила, что Галина Александровна могла просто пойти с утра в магазин или на рынок. Эта мысль мне понравилась.

Мы позавтракали, и я вновь взялась за телефон. Все было без изменений.

— Ну и дуры же мы! — вдруг воскликнула Ирка. — Это ведь у нас каникулы, а учителя-то все работают, они дежурят по школе!

Точно! Я сама об этом слышала. Мы рванули в школу. Времени было десять часов, а значит, рабочий день уже начался. Но там нас ждала новая неприятность: школа была закрыта. На двери висело объявление, из которого следовало, что в каникулы есть приемное время — три раза в неделю. А день был как раз неприемный. Вот досада!

Но тут через стеклянные двери я увидела, что внутри кто-то ходит, и забарабанила по двери как сумасшедшая. Этот «кто-то» подошел к дверям и оказался секретаршей.

Она показала нам пальцем на объявление и собралась уходить, но я закричала ей:

— У нас ЧП, откройте, это срочно!

Она открыла дверь и впустила нас внутрь.

— Нам срочно надо найти Галину Александровну Маркину! Это очень важно! Но ее дома нет, мы звонили все утро.

— Все правильно, дома ее нет, она в санатории с сыном, — ответила секретарша.

— Как в санатории? — растерянно пробормотала я.

— А когда она вернется? — спросила Ира.

— Я точно не знаю, недели через полторы. А что случилось-то?

— Беда, — сказала я. — А директор на месте?

— Тамара Юрьевна будет в понедельник, сейчас никого нет, только я и завхоз. Из отпусков все выходят во второй половине августа. Да вы можете толком сказать, что произошло?

— Понимаете, какой-то гад прислал на меня анонимку в райком комсомола, — соврала я, — и из-за нее меня не взяли в лагерь комсомольского актива. Первый секретарь сказал, что мне надо принести опровержение, и тогда я смогу поехать.

— Так вам тогда к Кулагинной надо обратиться. Она тоже в отпуске, но, насколько я знаю, никуда не уехала. И живет она рядом со школой.

Сейчас я вам ее адрес найду. — Довольная тем, что смогла нам помочь, секретарша удалилась.

Такого поворота событий я никак не ожидала. Взяв адрес, мы в полной растерянности вышли из школы. Сев на ближайшую лавочку, некоторое время молчали. Я пыталась представить, как приду к Валентине Ивановне и что ей скажу. «Как вам не стыдно, уважаемая Валентина Ивановна, вы ведь должны быть для нас примером, а вы...» Так, что ли? До этой минуты я и не задумывалась, что нам придется рано или поздно посмотреть друг другу в глаза. Я представила ее огромную рыхлую фигуру, черные коротко стриженные волнистые волосы, мужское лицо с усиками, маленькие насмешливые глазки — и такая волна ненависти захлестнула меня, что я вскочила со скамейки и, потянув Ирку за руку, сказала:

— Пошли, сейчас я ей скажу все, что о ней думаю!

— Может, не надо? — пыталась образумить меня подруга. — Скандал будет...

Но я была непреклонна. «Буря! Скоро грянет буря!» — звучало в моей голове, и я действительно чувствовала себя Буревестником — гордым и свободным!

Оказавшись перед нужной квартирой, я перевела дух и прочитала, что было написано на табличке под номером: «Негодяев И. А.». Что?! Мы с Иркочкой чуть не умерли со смеху: так вот какая настоящая фамилия у нашей Валентины! Она ей действительно подходит! И ведь не постеснялись вывесить такую фамилию в рамочку на дверь! Нашли чем гордиться. Я была уверена, что Салтыков-Щедрин придумал эту фамилию, а нет — она существует в действительности!

Вдруг приоткрылась соседняя дверь, и на нас глянуло маленькое сморщенное старушечье лицо.

— Чего расшумелись тут? — спросила бабуля сердито.

— Извините, пожалуйста, — ответила я, вытирая выступившие от смеха слезы и делая серьезным лицо. — Мы ищем Кулагину Валентину Ивановну, но по адресу, который нам дали в школе, проживают какие-то Негодяевы.

— Да это ее девичья фамилия, а по мужу она Кулагина, — уже добродушно пояснила старушка.

Мы с Иркочкой переглянулись. Никому из нас не могло прийти в голову, что Валентина Ивановна может быть замужем!

— Только нет ее. Никого нет. Муж ейный на работе, а она утром в деревню уехала, к свекрови.

— Как? — вырвалось у меня. — А вы не знаете, надолго ли?

— Откуда ж мне знать? Вы вечером приходите часов в семь, Паша уже дома будет, у него и спросите. — И старушка закрыла дверь.

Мы были в тупике. С одной стороны, неприятный разговор отложился, с другой — решение моей проблемы отодвинулось на неопределенный срок. Если Валентина Ивановна только сегодня уехала, то вряд ли она скоро вернется. Она в отпуске, что ей в городе делать? И тут меня посетила совершенно отчаянная мысль: я не буду ждать, когда она вернется, сама поеду к ней в деревню!

Я вернулась на площадку и позвонила в дверь к старушке.

— Извините, бога ради, что опять беспокою, но не могли бы вы подсказать, где находится эта деревня? Ну, как называется, в каком районе, может, есть точный адрес? — запричитала я, как только открылась дверь. — Понимаете, очень срочное дело.

— Точный адрес не скажу, не знаю, а деревня называется — Безводное, недалеко от Кстова. А зовут Пашину мать — Марья Федоровна.

Мы поблагодарили разговорчивую старушку и, не торопясь, вышли из подъезда.

— Ты серьезно решила к ней поехать? — после недолгого молчания спросила Ира с недоверием.

— Да. Я твердо решила с ней поговорить, раз по-другому не получается. И потом, мне очень хочется посмотреть ей в глаза! Плевать мне на этот лагерь, если честно. Я и ехать туда не хотела, ты же знаешь. Но теперь это дело принципа! Если ты не хочешь со мной тащиться в эту деревню, не обижусь.

— Я поеду. Мне все равно делать нечего, — ответила Ирка.

Я была рада! С подружкой я чувствовала себя гораздо увереннее. Мы вернулись к ней домой, наделали себе в дорогу бутербродов, налили в термос чай; запихнули под ее кровать в самый дальний угол мой чемодан, чтобы у родителей не возникало ненужных вопросов, и поехали на автовокзал.

Билеты на пригородные автобусы стоили в то время копейки, поэтому трешницы, которую дал мне папа утром, хватало с лихвой. Мы подошли к кассам и стали изучать расписание, однако никакого Безводного и никакого Кстова не обнаружили. Выяснилось, что в этом направлении автобусы отправляются с другого вокзала, почти с конца города. А времени, между прочим, было уже двенадцать часов, и становилось очевидным, что к трем мне уже никак не успеть.

На автостанции оказалось, что наш автобус только что ушел, а ближайший будет только в четырнадцать тридцать. Но кассир, видя, как я расстроена, предложила ехать с пересадкой в Кстове. Так получалось чуть дороже, но гораздо быстрее. Мы согласились и уже через пять минут ехали в направлении Кстова. Ира поинтересовалась, как я планирую искать Кулагину. А действительно, как? Об этом я не подумала.

— У моей бабушки в селе все старики и старушки друг друга знают, — помолчав, ответила я. — Думаю, везде так. Еще продавщица в сельпо всех знает, почтальон тоже. Найдем, не переживай. Меня волнует, что я до трех уже не успею. Придется с этим чемоданом самой таскаться.

В Кстове мы быстро пересели в автобус до Безводного и через полчаса были на месте. С нами в полупустом автобусе ехала в основном молодежь, и только одна пожилая женщина с усталым бесцветным лицом тряслась на заднем сиденье. К ней я и направилась, когда автобус остановился, помогла вынести тяжелые сумки и задала интересующий вопрос.

— Нет, доченька, никого я здесь не знаю, я вообще не в деревню. Тут колония недалеко, к мужу еду. А в Безводное вон по той дороге минут пять.

Мы пошли, и только тут я почувствовала, что очень устала и хочу есть. Мы сели в траве на обочине и стали уплетать бутерброды с чаем. Ира спросила:

— А ты придумала, как будешь разговаривать с Кулагиной?

Я помотала головой. Всю дорогу я пыталась представить себе нашу встречу, прокручивала разные варианты — все выглядело глупо или смешно. Я не хотела ее ни о чем просить, не хотела перед ней унижаться, но как построить разговор, не знала. Да, правда на моей стороне, но я ученица десятого класса, а она — завуч. Хуже всего было то, что моя решимость таяла на глазах. Я сидела на обочине и понимала, что хочу только одного — сесть в автобус и уехать обратно.

Тогда я достала из кармана злополучное письмо и еще раз его прочитала, чтобы опять разозлить себя. Это сработало. Я встала и сказала:

— Я протяну ей письмо и скажу твердо: «Вы должны переписать это, потому что сами прекрасно знаете, что здесь нет ни слова правды!»

Ирка одобрительно кивнула, и мы пошли в деревню.

Первый же попавшийся мужик поставил нас в тупик: оказывается, полдеревни носит фамилию Кулагины, половина из них Марьи; есть среди них и Федоровны, но он не знает ни одной, у кого был бы сын Паша.

Вот те раз! Впрочем, мы не расстроились, а пошли в магазин. Я была уверена, что продавщица нам поможет. Но и там нас ждала неудача: сказали примерно то же самое. Тогда мы решили зайти с другой стороны и описать внешность самой Валентины Ивановны, уж слишком она была колоритна, чтобы оставаться никем не замеченной. И это сработало. Одна женщина сказала, что сейчас, подходя к магазину, встретила такую даму.

Мы рванули в указанном направлении и почти сразу заметили впереди грузную фигуру Кулагиной. Она шла не торопясь, обмахиваясь платочком. На ней был выцветший халат, на голове — какая-то нелепая панама, и вся она была какая-то мягкая, домашняя и совершенно безвредная. И не верилось, что письмо, лежащее у меня в кармане, способно написать такое безобидное создание.

Мы шли следом за Валентиной Ивановной на расстоянии трех шагов, но я не могла пересилить себя и окликнуть ее. Мы просто молча шли.

Кулагина свернула с дороги на тропинку, мы — за ней. Она подошла к калитке, открыла и, войдя во двор, повернулась, чтобы закрыть ее, и в этот момент увидела нас.

Она окаменела: рот чуть приоткрыт, в глазах ужас, рука застыла в воздухе. Мы молча смотрели на нее, она — на нас. У меня пересохло во рту. Наконец, она пришла в себя и выдавила удивленно:

— Девочки? Вы как здесь?

Ира толкнула меня в бок, я вынула из кармана письмо и протянула ей со словами:

— Сергей Воронков сказал, что нужно переписать.

В этот момент из дома вышла невысокая приятная старушка в белом платочке и переднике и, всплеснув руками, проговорила:

— Валюша, у тебя гости? Что же вы стоите там? Проходите, проходите!

— Большое спасибо! Не беспокойтесь! Мы на минуточку, нам на обратный автобус надо успеть.

— Так вы из Горького приехали? Валечка, девочки же с дороги, их надо покормить!

— Да, конечно, — без энтузиазма согласилась Кулагина и взяла у меня из рук письмо.

Стараясь не смотреть на меня, она проговорила:

— Сейчас перепишу, — и исчезла в доме.

Пока Валентина Ивановна отсутствовала, ее свекровь суетилась вокруг нас и, усадив за стол в беседке, кормила пирогами и яблоками. Конечно, поинтересовалась, что привело нас в такую даль. Но разве я могла сказать правду? Наплела, что забыла вовремя взять характеристику для лагеря комсомольского актива, а без нее никак нельзя. Вот, пришлось подсуетиться. Она погладила меня по голове и сказала:

— Не переживай, доченька, Валюша напишет хорошую характеристику, она очень добрая. Ей-то самой Бог деточек не дал, вот она с чужими и работает. Очень она вас любит.

У меня просто ком в горле встал от этих слов, я с трудом проглотила пирог и посмотрела на Иру. Она тоже была ошеломлена.

Но Марья Федоровна, казалось, не заметила, какой эффект произвели на нас ее слова, встала и направилась к дому:

— Сейчас принесу самовар.

Мне почему-то стало стыдно перед этой доброй старушкой, как будто и моя вина была в том, что у ее невестки нет детей, а у нее — внуков. Я осмотрела двор: он был аккуратный и ухоженный. Чувствовалось, что все здесь: цветники, кусты, лавочки, дорожки — окружено любовью и заботой. И мне стало так жалко и Марью Федоровну, и Валентину Ивановну, что у меня опять защипало в носу.

В этот момент из дома вышла Кулагина и, не глядя на меня, положила на стол листок. Я взяла и пробежала его глазами. Это была характеристика, с которой хоть сейчас вступай в партию. Пока я сворачивала ее, чтобы убрать в карман, Валентина Ивановна протянула мне еще небольшую записочку, сказав при этом:

— Это лично Воронкову.

Мы встали из-за стола и направились к калитке, но в этот момент появилась Марья Федоровна с самоваром в руках.

— Как, вы уже уходите? А как же чай? — В ее голосе было столько искреннего сожаления, что я не на шутку испугалась, что могу заплакать.

Но Валентина Ивановна сказала:

— Мама, поймите, девочкам же в Горький надо вернуться, им нельзя опаздывать на автобус.

— Ну, хоть яблочек тогда возьмите, — взмолилась Марья Федоровна и, взяв с крыльца корзинку, полную яблок, стала высыпать их в Иркину сумку.

Мы поблагодарили ее и наконец-то ушли.

Некоторое время мы шли молча, каждая из нас пыталась переварить увиденное и услышанное. Меня не покидало тягостное чувство, что я подсмотрела в замочную скважину кусочек чужой жизни, который никак не предназначался для посторонних глаз. Новая характеристика не радовала, на душе скребли кошки. Когда мы подошли к остановке, там уже стоял автобус до Горького, который отправился, как только мы сели.

Через некоторое время Ира задремала, а я все пыталась разобраться в себе, в Кулагиной, в жизни. Если бы Валентина Ивановна действительно была такой плохой, какой я ее считала, разве бы свекровь говорила о ней с такой нежностью и любовью? Вряд ли. Снова и снова я видела добрые глаза Марьи Федоровны и слышала ее слова: «Ей-то самой Бог деточек не дал...» Вот она — трагедия и для Валентины Ивановны, и для ее мужа, и для свекрови. А лишний вес — это, видимо, последствия. А я про нее частушку! Для меня это был просто способ выпендриться, а у человека — боль. И сколько же нужно было ей самообладания, чтобы смеяться тогда вместе со всеми!

В моей душе больше не было никакой обиды. Я снова вспомнила ее толстую рыхлую фигуру, черные коротко стриженные волосы, некрасивое мужское лицо с усиками, и так мне стало жалко эту женщину, так стыдно за свою дурацкую выходку, что я подумала: когда начнется учебный год, обязательно попрошу у Кулагиной прощения за ту частушку, и от этой мысли мне полегчало.

6.

В город мы приехали в пятом часу. Чтобы взять билет до Княгинина, следовало ехать на другой вокзал, и стало абсолютно ясно, что сегодня я уже никуда не уеду. Ирка сказала, что я могу переночевать у нее, ее брат Серега уступит свою кровать и поспит на полу, ему не впервой. Я с радостью согласилась.

Но воспользоваться ее предложением мне не удалось. Билетов до Княгинина не было ни на завтра, ни на послезавтра. Что называется — приехали! Выбора не было, я взяла билет на послепослезавтра, и мы поехали к Ире. Три ночи я не могла у нее ночевать, не вызывая подозрения ее родителей, это и ослу понятно. Вполне мог обнаружиться и мой чемодан. Пришлось идти домой. Серега дотащил поклажу до моей квартиры, пожелал мне удачи, и я нажала звонок.

Дверь открыла мама. Вскрикнула, побледнела, приложила руку к сердцу и прошептала:

— Что случилось? Тебя выгнали? За что?

— Да никто меня не выгнал, успокойся! Просто надо было взять справку из поликлиники, а я забыла. Ты же знаешь, у меня всего один день был на сборы. — Говоря это, я вошла в квартиру и закрыла дверь: — Я бы сегодня уже и уехала, но билетов нет до Княгинина. Так что поеду через два дня. Вот билет.

Я помахала билетом перед маминым лицом.

Мама немного успокоилась и стала греть мне ужин, но видно было, что ее что-то тревожит.

— Нет, — вдруг сказала она, — одна ты не поедешь! Сейчас придет папа, и мы все обсудим.

«Вот, новый поворот», — мелькнуло в моей голове.

— Какой папа?! При чем здесь папа? Уж не хочешь ли ты сказать, что он меня повезет в лагерь как маленькую?! — возмущенно выпалила я.

— А ты и есть маленькая, тебе всего пятнадцать! Ты никогда не ездила одна за пределы города. Если бы тебя там могли встретить у автобуса, то я бы еще подумала. Но ведь никто тебя встречать не будет. И потом — с тобой вечно что-то случается! А лагерь, насколько мне известно, даже не в самом городе. Туда ты как собираешься добираться?

— На попутке, — не подумав, ляпнула я.

— Одна, на попутке! Да ты в своем уме?! Ты же девочка! Мало ли кто там, на дороге, тебе попадется! — Мама села на своего любимого конька, и спорить с ней было совершенно бесполезно.

Я ушла в ванную, включила воду, но и сквозь шум воды было слышно, как мама все приводит несокрушимые доводы ускользнувшему оппоненту. Лежа в ванне, я вдруг почувствовала, что смертельно устала и не могу ни шевелиться, ни говорить, ни думать, и если бы можно было спать прямо здесь, то я не вышла бы отсюда до утра.

На следующее утро папа ни свет ни заря сгонял на автостанцию и купил себе билет на мой автобус. А еще через день мы с ним поехали в лагерь. Настроение у меня было ниже плинтуса, я не испытывала ни радости, ни гордости, ни удовлетворения при мысли о том, как я протяну Воронкову новую характеристику. Мне было все равно, как он отреагирует.

И тут я вспомнила про записочку, которая предназначалась лично ему: интересно, что Кулагина написала в ней? «Новую характеристику я писала под пытками» или «Сама не знаю, как так вышло, видно, черт попутал», или... В общем, фантазия моя разыгралась, я придумывала одно объяснение нелепее другого, и когда мы приехали в Княгинино, у меня уже было отличное настроение. И то, что меня провожает папа, уже не раздражало. А даже наоборот — радовало: мне не нужно было самой таскать свой чемодан.

До лагеря мы добрались быстро и с комфортом: папа на вокзале договорился с каким-то водителем, и нас довезли прямо до ворот. По дороге я пыталась уговорить папу вернуться на этой же машине обратно, но он был неумолим — мама велела ему вручить меня лично в руки начальнику лагеря и, только убедившись, что со мной больше нет никаких проблем, ехать обратно.

Мы пошли искать штаб.

Сергей Воронков был удивлен моим появлением, пожалуй, не меньше, чем Кулагина. Мне стало сразу понятно, что он никак не рассчитывал увидеть меня вновь. Но он улыбнулся и пошел мне навстречу со словами:

— Привезла письмо от классной руководительницы?

— Привезла, — сказала я, тоже улыбаясь, — только от Валентины Ивановны.

И протянула ему листок и записочку, в которую мне всю дорогу очень хотелось заглянуть, но я сдержалась.

Изумление на лице Сергея по мере чтения все возрастало. Наконец он воскликнул:

— Ничего не понимаю... Как такое возможно? Это же полная противоположность первому письму! Как это может написать один и тот же человек? Что ты сделала с Валентиной Ивановной? Признавайся!

— Может, объяснение в той записке?

Воронков развернул бумагу, прочитал и показал мне. Ясности она не прибавила: «Сергей, возьмите девочку в лагерь, я потом все объясню. Валентина».

— Ну что ж, добро пожаловать в лагерь! — сказал Воронков и, взяв у папы, который ждал у входа, мой чемодан, проводил меня в отряд.

Смена пролетела как один день. Инна Новикова говорила правду — жизнь в лагере была насыщенной, веселой и интересной. Я с головой окунулась в нее, ни разу не пожалев о том, что все-таки приехала сюда. Расставались со слезами — так все сдружились. Но каждого из нас ждали свой город, своя школа и новый учебный год, а меня — еще и встреча с Кулагиной.

Надо сказать, никаких неожиданностей эта встреча не принесла. Валентина Ивановна общалась со мной так, будто ничего не произошло, но я чувствовала в ее присутствии неловкость. Думаю — и она тоже, только не подавала виду.

Прощения за свою частушку я так и не попросила.

